

УДК 003.3

Которова Анна Владимировна,

kav_98@inbox.ru

Научный руководитель: Таратонкина Ирина Павловна, кандидат филологических наук
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Руны: обзор современного положения рунологии как научной дисциплины и значимость рунических поэм

Аннотация: В статье рассматриваются современные вызовы рунологии как научной дисциплины, её неопределённый статус и влияние массовой культуры. Цель исследования — выявить ключевые проблемы академической рунологии, связанные с отсутствием единой теоретической базы. Используются методы сравнительного анализа и текстологического исследования.

Ключевые слова: рунология, руны, скандинавские исследования

Введение

Рунология в XXI веке сталкивается со множеством вызовов. Частично это обусловлено сложными идеологическими, политическими и современными ассоциациями, которые привлекли руны. Сильная связь рун с мистицизмом в его негативном значении является распространенной частью популярной культуры, что затрудняет работу учёных и исследователей в этой области. Исходя из этого, можно наблюдать явный раскол в рунологии как научной дисциплины. Данное исследование затрагивает критический пробел в академической среде, где рунология как научная дисциплина остается во многом непонятой и неизученной. Данную проблему проанализировал и обобщил А. А. Бесков в своей работе «Символы раздора: руническая письменность в зеркале российской и западной прессы», в которой автор прибегает к рассмотрению газетных заголовков в разных контекстах. Руны приобрели оттенок «магического» знака, что довольно плотно укоренилось в сознании людей как в России, так и на Западе — сейчас мы можем наблюдать использование рун практически повсеместно, начиная амулетами и татуировками и заканчивая логотипами коммерческих организаций и различной символикой. Остро стоит вопрос самой научности в исследованиях отечественных авторов. Как отмечает Бесков: «...пока что публикации в российской научной периодике не столько проясняют, сколько еще более запутывают вопросы, связанные с рунами вообще и “славянскими рунами” в частности» [Бесков, 2020, С. 80].

Отделяя академическую рунологию от ее распространенных мистических и народных интерпретаций, исследование подчеркивает необходимость четкого теоретического обоснования и методологической строгости в этой области.

Основная цель исследования — представить теоретический и аналитический обзор рунологии как научной дисциплины с целью изучения её текущего состояния, а также проблем и перспектив. Исследование стремится разграничить академическую рунологию от ее популярных интерпретаций.

Методы исследования

Смешанные методы исследования.

Результаты и обсуждение

Можно предположить, что возникшие псевдонаучные представления о рунологии и последовавшие трудности в её изучении связаны с определением самой рунологии как науки, а именно — с недостаточностью её теоретической базы. Проблема в том, что

академическая рунология не имеет собственной теории и рассматривается многими учеными как междисциплинарная область, «которая является частью более широкого дискурса в рамках гуманитарных наук» [Birkett, 2011, P. 15]. Другими словами, рунология на самом деле не относится полностью ни к одной научной области, и каждый использует ее для своих собственных нужд. Все исследования относительно рун по-прежнему нуждаются в чётком определении предмета изучения, что представляет собой сложную задачу. Следовательно, возникает логичный вопрос: как мы можем читать и изучать руны, рунические надписи, если не существует теории, касающейся самой рунологии? Как уже упоминалось выше, рунологические исследования в основном проводятся на лингвистических факультетах и, как следствие, опираются на лингвистические теории наряду с рунологической методологией, которой также не хватает основополагающей теории. Выдвинутая М. Барнсом идея о том, что чтение непосредственно является фундаментальной задачей академического рунолога и превосходит по значимости интерпретацию рунических надписей, считается существенной для определения существования рунологии как научной дисциплины [Barnes, 2013, 2 P.]. Более того, учитывая, что множество не клишированных рунических надписей представляют определённую трудность в их прочтении в силу фонетической многозначности некоторых рун, языковой вариативности (мы должны иметь представление о языке, с которым работаем) и типографических ошибок самих рунографов, заниматься этим делом должен исключительно профессионал. Основной задачей рунолога является чтение рун, что делает излишним включение археологии и истории в рунологию как её неотъемлемых частей. Рунические надписи состоят из рун, и руна является основной единицей рунической системы письма, которая в свою очередь существовала для записи и передачи информации. Учитывая это, можно согласиться с тем, что рунологи должны сосредоточить свои исследования на области рун, их развитии и использовании. Согласно Э. Биркетту, работа рунолога представляется граничащей с риском ещё на уровне транскрипции [Birkett, 2011, 2 P.]. Поэтому озабоченность верным прочтением с учётом и фонетики, и орфографии, и пунктуации является оправданной. Интересно отметить, что и в самих рунических надписях периодически встречаются призывы к корректному прочтению. Зачастую это относится к определенной имеющей значимость информации, но «обычно просто представленные в качестве вызова изобретательности читателя». Также подобный призыв встречается и в «Саге об Эгиле» (Egils saga Skalla-Grímssonar), в которой главный герой в одной полустрофе указывает на опасность неправильного прочтения рун, сокрушаясь о скверных навыках сына фермера:

“Skalat maðr rúnar rísta,

nema ráða vel kunni.

Þat verðr mǫrgum manni,

es of myrkvan staf villisk” [Egils saga Skalla-Grímssonar] (Рун не должен резать // Тот,

кто в них не смыслит. // В непонятных знаках // (Всякий может сбиться) [перевод: Корсун, 1999, LXXII].

Определение и установление определенных границ, в пределах которых могут работать исследователи, интересующиеся рунами, позволит отличить саму область рунологии от других дисциплин, таких как история и археология. В качестве основных аспектов данной области, в рамках которых учёные могут вести свою работу, можно выделить следующие:

1. истоки рунической письменности;
2. переход от старшего футарка к английскому футорку и к младшему футарку;
3. руны как графическая система;
4. различие между графом, типом графа, графемой и единицей футарка;
5. принципы и практика транслитерации рун.

Слово «руна» хоть и включает в себя несколько значений, некоторые из которых могут натолкнуть на своего рода мистические мысли, в данном случае оно несёт в себе определение графического знака, который является репрезентацией одного или нескольких звуков. Руны служат для записи языка точно так же, как и, например, кириллические знаки, латинские или греческие. В своём труде Р. Буайе соглашается с мнениями Л. Мюссе и А. Бекстеда о том, что «руны — такое же письмо, как любое другое, пригодное, чтобы сопровождать магические действия, но не созданное специально для этого» [Буайе, 2012, 55 С.]. Так как руническая система письма была изобретена для передачи прагерманского языка и его дальнейших ответвлений, то наиболее всего руны подходят для записи языков германской ветви, однако их можно приспособить и для записи на любом другом языке. Как верно заметил М. Барнс в книге «Руны: Справочник», рунолог должен не только уметь распознать руну и присущие ей фонетические качества, но и понимать, с каким языком он имеет дело [Barnes, P. 1]. Руническое письмо в более ранний период обеспечивало исключительное влияние на общество и, по-видимому, было элитарным по своей природе. Как верно отмечает М. Шульте, основываясь на самых ранних сохранившихся рунических надписях, которые в основном состоят из личных имен и кратких обозначений, трудно представить, что руны имели какое-либо практическое назначение в Древней Германии (*Germania Libera*). Напротив, более вероятно, что они функционировали как символы индивидуального и социального статуса. Однако иконографию создавала не сама элита, а ремесленники и мастера [Schulte, 2015, 92 P.].

Руническая система письма не являлась статической, наоборот, она постоянно развивалась; руны меняли свои графические формы. Так, мы имеем несколько рунных рядов в зависимости от их географического использования и преобразований: старший футарк, младший футарк, английский (или англо-фризский) футорк и средневековой футорк. Первоначальным рядом является старший футарк (24 символа), возникший, согласно мнению большинства исследователей, в начале нашей эры (довольно часто фигурируют I и II века). Далее, этот ряд был упрощён до младшего футарка (16 символов), который на ранних порах бытовал в двух вариациях (обычный или датский футарк и упрощённый футарк) [Liestøl, 1978–1981, 249 С.]. Различия между ними сугубо форменные. Причины такого серьёзного упрощения рунического ряда до сих пор являются вопросом для обсуждения среди лингвистов, филологов и рунологов. Так как естественным процессом является адаптация и упрощение любого языка, в том числе и алфавита, то логично предположить, что сокращение рунического ряда произошло как раз ввиду фонетических изменений и возникшей из этого необходимости. Однако при переходе из праскандинавского в древнескандинавский язык, значительно усложнилось фонетическое разнообразие языка: появились дифтонги, умлауты, синкопия — и всё это за 200 лет; иными словами, расширился гласный ряд (в древнескандинавском есть 9 различных гласных звуков и только 4 руны представлены в младшем футарке для их записи). Как отмечает Р. Буайе, такое противоречие следует объяснять феноменом, который схож с современной стенографией [Буайе, 2012, 53 С.]. Если мы обратимся к М. Шульте, то он отмечает, что «внутреннего анализа, основанного на фонологических изменениях и изменении названий рун, недостаточно, чтобы разобраться с этими двумя диаметрально противоположными процессами (англо-фризской и скандинавской системами)». Скандинавский (т. е. бытовавший на территории скандинавских стран) 16-знаковый футарк был расширен на поздних этапах эпохи викингов, примерно в 1000–1050 годах нашей эры, а затем дополнительно в Средние века за счёт введения точечных рун и других новых символов. Важно отметить, что не было случаев «повторного использования» или «реактивации» рун ни во время развития раннего скандинавского футарка, ни в более поздние периоды [Schulte 2015, 97 P.].

Таким образом, руническая письменность точно так же, как и любой другой алфавит на пути своего становления и развития, претерпевала определённого рода преобразования.

Руны имели свою вариативность, весьма неудачное упрощение и сжатие, распространение на иные территории.

Важным для рассмотрения является проблематика определения резчиками звукового качества рун. Для этого необходимо обратиться к такому феномену как названия рун. Ранее довольно часто действовал фонематический принцип («пишется, как слышится» и «читается, как пишется»), то есть каждый символ соответствовал определённым звукам и между ними не было никаких противоречивых связей. В названиях рун первый звук представляет звуковое качество самой руны в мнемонических целях. Эти имена были записаны в *Runica manuscripta* в виде алфавита и небольших двустий, которые собой формируют рунические поэмы. Таким образом, названия рун были записаны довольно поздно (1954 г.). Лейденский кодекс (*The Codex Leidensis*), датируемый X в., является старейшей рукописью, в которой содержится руническая поэма. Более поздняя рукопись, *Cod. Cotton. Galba A2*, содержит названия датских рун, в то время как в *Abecedarium Nordmannicum* из Санкт-Галлена, датируемом X в., перечислены названия 16 рун младшего футарка. Норвежские рунические названия встречаются в рунической поэме XIII в., а исландские рунические названия записаны в рунической поэме XIV в. AM 687d 4°. Зальцбургско-винерско-Алкуинская (*The Salzburg-Wiener-Alcuin*) рукопись десятого века содержит английский футарк (28 рун) и их названия, а также 8 рун из старшего футарка. К сожалению, манускрипт *Cod. Cottonianus Otho B. 10*, содержащий футарк с 33 рунами и их названиями, был утерян.

Переходя к значимости рунических поэм, важно отметить, что данные тексты не являются поэмами в классическом понимании. Как верно сказал Р. И. Пейдж, *«текст, обычно называемый исландской рунической поэмой, является поэмой только по (прим. условному) соглашению»* [Page, 1998, 3 P.]. С нашей точки зрения, рунические поэмы выполняют функцию букваря. Руническая поэма имеет последовательную структуру, состоящую из нескольких строф. Эти поэмы служат целью перечисления букв рунических алфавитов, одновременно предлагая поэтическое объяснение каждой буквы. Исландская и норвежская поэмы перечисляют 16 рун младшего футарка, в то время как англосаксонская руническая поэма включает 29 англосаксонских рун. Несмотря на различия в поэтическом стиле каждой поэмы, между ними есть заметные сходства. Кроме того, в них упоминаются персонажи скандинавского и англосаксонского язычества, причем англосаксонская поэма также включает и христианские элементы. Самым ранним документально подтвержденным каталогом скандинавских рунических названий является *Abecedarium Nordmannicum*, который датируется IX веком. В нем не даётся названий рунам, но он содержит смесь континентальных германских и отличительных англосаксонских типов рун. Этот текст записан в Сангалльском кодексе 878 (*Codex Sangallensis 878*), который в настоящее время хранится в Санкт-Галлен; предполагается, что он был написан в Фульде, Германия.

Хоть и было сказано, что назначение рунических поэм заключается в их мнемонической функции (и передачи знаний о рунической системе письма), они также обладают не менее значимой культурологической функцией, объединяя в себе "темы, которые важны в естественном мире или в социальной, интеллектуальной и религиозной жизни человека" [Ross, 1990, 26 P.]. Маргарет Ключис Росс обращается к ним как к "каталогам важной культурной информации, сформированным запоминающимся образом" [Ross, 1990, 26 P.], отмечая, что в современном научном сообществе довольно редко уделяется внимание именно этому аспекту данных текстов. Действительно, все три рунические поэмы – кладёшь ценной культурной информации в форме стихотворений мудрости и познания или гномического стиха (например, *Hávamál*, *Grímnismál*, *Sigrdrífumál* и т. д.). Также автор отмечает, что исландская руническая поэма своим строением и наполнением скорее напоминает такой поэтический жанр, как *pula* (тип народной поэзии с XV по XX века, который имеет очень свободную поэтическую форму – на грани прозы – и гибкую, переменную структуру), особенностью которого является список из имён или других синонимичных *хеити*. Первоначальной целью *тулы* было сохранение имен богов и другой

мифологической информации, имевшей сакральный характер. Учитывая вышеперечисленные особенности, скандинавские рунические поэмы, а также англосаксонская поэма, при помощи культурного инструмента формируют в энциклопедической форме знания и представления о природе в широком смысле.

Выводы

В ходе исследования были выделены ключевые проблемы рунологии как академической дисциплины, включая ее действующий междисциплинарный характер, отсутствие единой теоретической базы и сложность отграничения от популярных мистических интерпретаций. Анализ показывает, что руническая письменность претерпела значительные трансформации, усложняющие ее изучение, но и предлагающие новые взгляды на ее эволюцию и функции. Особое внимание уделяется значению рунических поэм не только как мнемонических инструментов для запоминания алфавита, но и как носителей культурной информации, отражающих социальные, интеллектуальные и религиозные ценности своего времени.

Ряд вопросов остается открытым, а именно отсутствие научного консенсуса в отношении фундаментальных теоретических концепций рунологии; фрагментарный характер сохранившихся рунических текстов и трудности их интерпретации; влияние популярной культуры, которая искажает восприятие рун.

Литература

1. Бесков А. А. Символы раздора: руническая письменность в зеркале российской и западной прессы / А. А. Бесков // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия, 2020. — № 1. — С. 77–92.
2. Буайе Р. Викинги: История и цивилизация // пер. с франц. М. Ю. Некрасов, СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. — 416 с.
3. Сага об Эгиле // «Исландские саги» в двух томах, том I / перевод А. И. Корсуна (стихи). СПб: Альма-Матер, 2024. 1092 С. URL: <https://norroen.info/src/isl/egil/ru.html> (дата обращения: 17.07.2023).
4. Barnes M. What Is Runology, and Where Does It Stand Today? Futhark: International Journal of Runic Studies, 2013.
5. Birkett T. Reading the Runes in Old English and Old Norse Poetry. University of Oxford: Trinity Term, 2017, pp. 340. DOI: 10.4324/9781315603780.
6. Egils saga Skalla-Grimssonar. URL: <https://skaldic.org/m.php?p=verse&i=2306&v=&x=0> (дата обращения: 17.07.2023).
7. Liestøl A. The Viking runes: the transition from the older to the younger Futhark. Saga-Book XX, vol. 20 (4), pp. 247-266, 1978.
8. Page R. I. Runes and runic inscriptions: Collected essays on Anglo-Saxon and Viking runes. N.Y.: The Boydell Press, 1995, 346 P.
9. Ross M. C. The Anglo-Saxon and Norse “Rune Poems”: a comparative study. Anglo-Saxon England, 1990, 19: pp. 23–39. URL: <http://www.jstor.org/stable/44509950> (дата обращения: 11.07.2023).
10. Schulte M. Runology and historical sociolinguistics: On runic writing and its social history in the first millennium. Journal of Historical Sociolinguistics, 2015, 1(1), pp. 87–110. DOI: 10.1515/jhsl-2015-0004.

Kotorova Anna Vladimirovna

kav_98@inbox.ru

Supervisor: Taratonkina Irina P., Candidate of Science (Philology)

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Runes: An overview of the current state of runology as a scientific discipline

Abstract: The article discusses the current challenges of runology as an academic discipline, its uncertain status and the influence of mass culture. The aim of the study is to identify the key problems of academic runology related to the lack of a unified theoretical framework. The methods of comparative analysis and textual research are used.

Keywords: runology, runes, Scandinavian studies